

К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Крапивкина Ольга Александровна
К.филол.н. доцент,
Иркутский государственный
технический университет

ON THE GENRES OF LEGISLATIVE AND EXECUTIVE DISCOURSE

O. Kravivkina

Annotation

In the article, the author attempts to build a taxonomy of legislative and executive discourse based on a genre criterion. The author argues that genres and discourses are interdependent categories. It allows the author to argue that the text of this or that genre is realized in discourse. The article examines genres of written discourse. The most prototypical genres are analyzed. The author concludes that the boundaries of legal discourse are rather fuzzy, its genres balance between two poles – institutional and personal.

Keywords: genre, discourse, law, expert community, subject.

Аннотация

В статье автором предпринимается попытка построить типологию законодательно-административного дискурса, опираясь на жанр как критерий классификации. Автор придерживается точки зрения о взаимообусловленности жанра и дискурса, что позволяет говорить о реализации текста, принадлежащего тому или иному жанру в рамках дискурса. В статье исследуется жанровое пространство письменного законодательно-административного дискурса, выделяются его наиболее представительные жанры. Автором делается вывод о размытости границ юридических дискурсивных практик, балансирующих между полюсами "институциональность – персональность", вопреки традиционному мнению об исключительной институциональности юридического дискурса.

Ключевые слова:

Жанр, дискурс, право, экспертное сообщество, субъект.

В научной литературе предлагают различные критерии дифференциации юридических текстов. Так, С. Шершевич по критерию прескриптивный / дескриптивный выделяет три типа: первично прескриптивные (законы, постановления, договоры), смешанные, прескриптивно-дескриптивные (иски, заявления) и дескриптивные (учебная литература и др.) [7]. П. Сандрини различает такие типы юридических текстов, как право-творческие (договоры, уставы), судебные (судебные решения, показания, исковые заявления, акты экспертиз и т.д.) и административные (ведомственные документы) [6].

Помимо вышеперечисленных критериев, форматом реализации отдельно взятого дискурса является жанр, который задает определенные параметры дискурса и конкретизирует его [3].

Диалектика жанра и дискурса нашла обоснование в работе Дж. Суэйлза, которому удалось объединить эти понятия [8]. По Суэйлзу, жанры представляют собой классы коммуникативных событий, идентификационным критерием которых является коммуникативная цель. Принадлежность к жанру определяется "семейным сходством". Тексты, относящиеся к одному жанру, варьируются по степени прототипичности [8: 46–54]. Таким образом, взаимообусловленность жанра и дискурса проявляется следующим образом: любой текст, принадлежащий тому или иному жанру, реализуется в рамках дискурса. Коммуникативная цель, являющаяся неотъемлемым

признаком дискурса, оказывает влияние на формирование жанра и его внутреннюю структуру. Кроме того, каждый жанр принадлежит тому или иному экспертному сообществу, реализуется, в терминах М. Фуко, в границах того или иного поля дискурсивных практик [5], которые определяют специфику жанровых образований, в том числе и на лингвистическом уровне, оказывая влияние на выбор языковых единиц и построение высказываний. При этом дискурсивный жанр рассматривается как категория социально-историческая и культурно-детерминированная.

В данной работе мы рассмотрим жанровые образования законодательно-административного дискурса, которые представляют исследовательский интерес с точки зрения вербализации субъекта в составляющих их высказываниях: закон, конституция и указ. Обратим внимание, что наша классификация жанров юридического дискурса служит цели выявления наиболее типичных способов представления субъекта в выделяемых жанровых образованиях, которые могут служить прототипами правовой коммуникации в законодательно-административной сфере.

ЗАКОН

Современный законодательный акт или закон представляет собой вербально выраженный набор правил или

норм поведения, регулирующих особого рода общественные отношения между индивидами и их объединениями.

Прагматические характеристики закона обусловлены стоящей перед ним иллюкутивной целью – сформировать определенные модели правомерного поведения у неопределенного круга адресатов, то есть закон предполагает направление приспособления мира к словам (действий адресата к пропозициональному содержанию закона).

Правовое регулирование осуществляется посредством юридических норм, которые должны "очерчивать границы возможного и должного – по праву – поведения, и издаются и вводятся в действие именно для того, чтобы содержащиеся в них положения о должном и возможном становились при наличии определенных условий реальностью" [1: 33]. Реализация должного и возможного обусловлена, в первую очередь, спецификой правовой отрасли: так, если гражданско-правовые акты тяготеют к дозволениям [2], уголовно-правовые – к запретам и обя-зываниям [1]:

(1) *Every corporation, firm, person, agent, or employee, who knowingly violates any of the provisions of this section is guilty of a misdemeanor, and shall be fined not less than fifty dollars (California Penal Code).*

(2) Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (Гражданский кодекс РФ).

Отсюда вытекает такая черта законодательных актов, как присутствие в них деонтической модальности, т.е. модальности, которая, как отмечает А.П. Бабушкин, "связана с долгом, с требованиями, предъявляемыми к участникам той или иной ситуации" [2: 15–16]. В целях ее реализации субъект использует такие средства, как модальные глаголы *must, to be to, shall*, должен, может, а также глаголы со значениями обязанности, предписания, требования, обязательности, возможности совершения действия:

The requirements of this section shall be taken to have been satisfied in relation to the proposals (Legislative and Regulatory Act).

Граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны получать повестки военного комиссариата под расписку (Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе").

Закону свойственен неиндивидуальный характер, безличный стиль изложения, отсутствие любых черт персонализации: субъект устраняется, оставляя дискурс во власти ЗАКОНА (Закон регулирует, закон устанавливает и т.п.). Институциональный неличностный характер субъекта требует использования формализованного языка и следования принятым в сообществе законодателей текстовым нормам и образцам. Отсюда стереотипность и унифицированность форм выражения воли законодателя.

Среди функций закона в поле социального взаимодействия выделим прескриптивную, информационно-

ориентирующую и прохибитивную. Прохибитивная функция может иметь как самостоятельную реализацию, так и являться логическим следствием прескриптивной функции в случае, когда, разрешая и предписывая совершение одних действий и поступков, закон содержит запрет на совершение других:

Besides the personal rights mentioned in the Government Code, every person has the right of protection from bodily restraint or harm, from personal insult, from defamation (Civil Code of California).

Устанавливая право одного индивида на защиту от ограничения свободы движений, телесных повреждений, личных оскорблений, клеветы, закон тем самым запрещает совершение подобных действий другими индивидами.

Информационно-ориентирующая функция вытекает из понимания закона как источника ориентации индивидов и их объединений в конкретном обществе, оказания определенного влияния на сознание и поведение адресата:

(1) Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (Гражданский кодекс РФ).

(2) *Transfer is an act of the parties, or of the law, by which the title to property is conveyed from one living person to another (Civil Code of California).*

В (1) закон информирует адресата о порядке защиты нарушенных прав. В (2) имеет место норма-дефиниция, которая информирует об особенностях понятия трансфера, облегчая тем самым применение других норм, содержащих данное понятие.

КОНСТИТУЦИЯ

Другим институциональным жанром в пространстве законодательного дискурса является конституция – основной закон государства, содержащий руководящие принципы, в соответствии с которыми осуществляется управление государством, выражающий волю и интересы его народа. Следуя определению, одним из магистральных свойств конституции является народность, предполагающая, что в качестве ее субъекта выступает весь народ государства, от лица которого декларируются основные положения. На практике же конституции разрабатываются отдельными политиками и принимаются парламентариями, воля которых не всегда отражает истинные интересы народа, а чаще всего совпадает с интересами какой-либо одной немногочисленной социальной или финансовой группы.

В отличие от закона – документа юридического характера – конституция имеет смешанную природу. Это и правовой акт с характерными для нее функциями в юридической сфере, и политический документ, имеющий определенное социально-политическое содержание, ока-

зывающее прямое или опосредованное влияние на всю политическую систему страны, и идеологический текст, поскольку она производна от идеологии и ценностей общества.

Помимо отмеченных выше функций закона, применительно к конституции можно выделить еще две – декларативную и интегративную. Первая заключается в провозглашении принципов и основополагающих ценностей, лежащих в основе общественного и государственного развития, взаимоотношений государства и личности. Декларативные положения конституции структурно располагаются в преамбуле, которая в концентрированной форме фиксирует цели, задачи, принципы и функции государства. В преамбуле подчеркивается историческая преемственность государственности, ответственность перед народом, перед Богом, нравственные основы конституции, указываются условия, обстоятельства, мотивы и другие исходные установки, послужившие поводом для ее принятия:

We, the people of Eire, humbly acknowledging all our obligations to our Divine Lord, Jesus Christ, Who sustained our fathers through centuries of trial, gratefully remembering their heroic and unremitting struggle to regain the rightful independence of our Nation, and seeking to promote the common good, with due observance of Prudence, Justice and Charity, so that the dignity and freedom of the individual may be assured, true social order attained, the unity of our country restored, and concord established with other nations, do hereby adopt, enact, and give to ourselves this Constitution (Constitution of Ireland).

Из вышеприведенного примера можно вывести еще одну функцию конституции – интегративную, суть которой состоит в утверждении единства нации, народа, государственной власти (*the unity of our country restored*).

Вопреки распространенному убеждению в нейтральности стиля законодательного дискурса, отметим, что реализация указанных выше функций предполагает включение экспрессивно-эмоциональных элементов. Примером тому может служить приведенный выше фрагмент преамбулы, носящий литературно-художественную окраску и не отличающийся нормативностью.

Указ. Среди жанров административного дискурса на-

иболее ярким образом является персонализированный указ (*executive order*) – правовой акт, издаваемый от имени главы государства:

By the authority vested in me as President by the Constitution and the laws it is hereby ordered as follows (Executive Order of the US President № 13233).

По сложившейся традиции, если закон – это фундаментальная основа правовой системы, он от Бога, от разума, от воли народа, указ – конкретная задача, подлежащая исполнению в рамках закона с учетом накопленного опыта взаимодействия с ним. Функционально указы несут ту же нагрузку, что и законы, то есть выполняют прескриптивную, информативную и прохибитивную функции.

Как показывает история, субъекты "указного" дискурса – монархи или президенты – стремились и стремятся к созданию никому не подотчетных и не подконтрольных актов. Используя "указное право" в качестве "права силы", они пытались и пытаются юридически обосновать процессы, непопулярные в обществе. Стремясь к тому, чтобы указы не были связаны никакими ограничениями, оправдываясь, по словам Е.А. Лукьяновой, чем угодно, как, например, приоритетом государственного блага при Екатерине II или политической и правовой целесообразностью при Б.Н. Ельцине [4], субъект "указного" дискурса пытается проявить себя как суверенная, авторитарная личность. Автономность субъекта, которая на языковом уровне реализуется с помощью я-парадигмы, позволяет отнести данный жанр к персонализированному юридическому дискурсу, протекающему в ситуации институционального общения с участием субъекта, облеченного институциональной властью.

Итак, помимо чисто институциональных (закон, конституция), законодательно-административный дискурс включает персонализированный жанр с присущей ему диалектикой институционального и персонального (указ). Данный симбиоз позволяет сделать вывод о переплетении в правовом пространстве дискурсов двух типов – дискурса Я-субъекта, который, независимо от своей функции, позиционирует себя как личность, и дискурса институционального субъекта, который конструируется, исходя из общепринятых в правовом сообществе способов восприятия и интерпретирования правовых феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного анализа / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 756 с.
2. Бабушкин, А. П. "Возможные миры" в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 86 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Лукьянова, Е. А. Указное право как российский политический феномен / Е. А. Лукьянова // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 3–13.
5. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
6. Sandrini, P. Translation zwischen Kultur und Kommunikation: Der Sonderfall Recht / P. Sandrini // Übersetzen von Rechtstexten. – Tübingen: Narr, 1999. – P. 9–43.
7. Sarcevic, S. New Approach to Legal Translation / S. Sarcevic. – Den Haag: Kluwer Law International, 1997. – 308 p.
8. Swales, J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.